

Победа России над Наполеоном в 1812 году — одна из самых известных и часто упоминаемых страниц российской и европейской истории. Моя новая книга по этой теме — «Россия против Наполеона: борьба за Европу»* — рассматривает это противостояние под несколькими различными углами: в ней исследуются не только военный и дипломатический аспекты, но также, к примеру, русский тыл, военная экономика и военная логистика. Тем не менее в центре внимания находятся геополитика, военные операции и дипломатия, иными словами, наиболее традиционные области исторического исследования. Более того, это ещё и исследование войны и дипломатии в эпоху европейского «старого режима». Таким образом, моя книга в любом случае становится в некоторой степени историей королей и сражений — старейшей и наиболее консервативной модели в историописании.

Встаёт очевидный вопрос: можно ли сказать хоть что-то новое по этой теме? Для

ROSSICA

Доминик **ЛИВЕН**,
научный сотрудник Британской
Академии, профессор
Кембриджского университета
(Тринити колледж)

ПРАВО ОДЕРЖАТЬ ПОБЕДУ

Россия против
Наполеона

А. Ю. Аверьянов. Бивак. 1992 г.

великого множества западных историков автоматическим ответом станет «нет». Даже в Британии, не говоря уже о Соединённых Штатах или Германии, любой молодой учёный, предлагающий подобное исследование, обладает мизерными шансами на рассмотрение своей темы, не говоря уже о получении работы. Военная и дипломатическая история прочно вышли из моды. Отрицание их значимости и самой возможности написать в этой области что-либо новое — это вопрос идеологии и во многом корпоративной академической идентичности исследователей.

Я категорически не согласен с подобным подходом: в противном случае я не предпринял бы попытку написать книгу о победе России над Наполеоном. Совершенно невозможно перечислить все способы, которыми моя книга, как представляется, отклоняет традиционные трактовки и предлагает новые точки зрения. Одна из ключевых инноваций — внимание, уделяемое в книге военным предприятиям России в 1813–1814 годах. Всё внимание русских всегда привлекал 1812 год: на каждую русскоязычную книгу о военных действиях 1813–1814 годов приходится тысяча книг о 1812-м. Меж тем в западной историогра-

*Монография Доминика Ливена «Россия против Наполеона. Борьба за Европу» (Dominic Lieven. Russia against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. Published by the Penguin Group. 2009) готовится к изданию на русском языке в издательстве РОССПЭН в 2012 году.

фии 1813 год всегда принадлежал Пруссии и прусско-германской школе историков националистического толка. Русский вклад, таким образом, выносился за скобки. Разумеется, я уделяю много внимания и 1812 году, и планированию войны, и подготовке к ней. По определению, без победы России в 1812-м события 1813–1814 годов были бы невозможны. Тем не менее полной иллюзией является представление о том, что поражение 1812 года решило судьбу наполеоновской империи. Всё-таки в 1813 году император смог вывести на поле боя новую великую армию в полмиллиона человек. При этом именно Александр I первым приложил колоссальные усилия, пошёл на огромный риск, используя поражение Наполеона в России как инструмент уничтожения его империи и переустройства европейской политической системы.

Одной из причин, по которым стоит уделить пристальное внимание 1813–1814 годам, служит тот факт, что без событий этого времени стратегия России в 1812-м предстаёт бессмысленной. Для Александра оборонительная кампания в России, направленная на изматывание наполеоновской военной машины, всегда была первым этапом контрнаступления через российские границы с целью выдворить французов из Германии. Именно таким стратегическим видением руководствовался царь, отдав приказ своим армиям продвигаться в Польшу и Германию для завершения кампании 1812 года. Для Александра безопасность России и безопасность Европы были неразрывно связаны. Пока французский монарх контролировал Германию, как и большую часть Западной и Южной Европы, Россия не могла оставаться в безопасности. Даже в грубых цифрах Россия отставала: Наполеон прямо или косвенно контролировал более 63 млн подданных, Александр — чуть более 42. Оборонять свои обширные границы при таком соотношении было непосильной задачей для России в любой перспективе, кроме краткосрочной, хотя бы по финансовым причинам. Поэтому Александр был твёрдо намерен воспользоваться временным ослаблением Наполеона в декабре 1812 года, чтобы выдворить французов из Германии и восстановить основы равновесия сил в Европе. Царь продемонстрировал политическую отвагу и дипломатическое мастерство, создав европейскую коалицию и возглавив её на пути в Париж во имя того, что, по всей видимости, было верным пониманием задач обеспечения безопасности России.

Таким образом, одной из причин того, что я сосредоточил внимание на 1813–1814 годах, является тот факт, что, по моему мнению, именно в этот период российская военно-политическая стратегия проявила себя наиболее логично, во всей

полноте и красе. Даже в более узком смысле эффективность действий российской стороны в 1813–1814 годах была выдающейся. В этот период более 500 тысяч русских солдат служили за границей империи, на фронте и в резерве, и это — во времена, когда только два европейских города обладали населением выше полумиллиона. Просто накормить, снабдить, экипировать и переместить такое войско через Европу, было огромным достижением.

Нет ничего удивительного в том, что в 1813–1814 годах русская армия сражалась лучше, чем в 1812-м. В войне в гораздо большей степени, чем в любом другом человеческом занятии, опыт — лучший учитель. Советская армия в 1944 году сражалась лучше, чем в 1941-м. Этим утверждением я ни в коей мере не хочу принизить эффективность армии в 1812 году. Долговременные отступления — тяжёлое испытание для дисциплины, сплочённости и морального духа армии. Возможно, русская армия была единственной армией в Европе, которой под силу было отступать, преодолев огромное расстояние от Вильны до Москвы, вступить в такую битву, как Бородино, и при этом сохранить целостность. В 1813–1814 годах дисциплина в армии была выдающейся, а её арьергарды действовали с исключительной решимостью и мастерством. К тому же тогда штабы работали более профессионально, чем в 1812-м, в результате чего войска резерва на поле боя действовали эффективнее, а координация действий между пехотой, кавалерией и артиллерией вышла на новый уровень. Тактика русской лёгкой пехоты была ещё одной областью, в которой значительные перемены к лучшему были особенно заметны.

Российская историография всегда справедливо гордилась партизанской войной 1812 года, но на самом деле наиболее важными партизанскими кампаниями времён Наполеоновских войн были дальние рейды, совершённые Александром Чернышёвым и Александром Бенкендорфом весной 1813 года: они сыграли значительную роль в освобождении Берлина и вступлении Пруссии в войну на стороне России. Без этих партизанских — в истинно современном значении этого термина — рейдов военная кампания 1813 года началась бы скорее на Одере и польской границе, нежели в Западной Саксонии, в случае чего шансы Наполеона одолеть союзников, избежать австрийской интервенции и восстановить свою европейскую империю были бы значительно выше.

Эффективность русской армии в 1812–1814 годах следует в первую очередь рассматривать в профессиональных военных понятиях, однако есть у неё и более масштабные последствия, особенно применительно к вопросам морали и мотивации.

Часто утверждают, что армия в 1812 году сражалась упорнее, поскольку действовала на родной земле и защищала родные города и сёла. Скорее всего, есть доля истины в том, что под Смоленском и Бородино солдаты дрались с особой яростью именно по этим причинам, хотя накопившееся раздражение от необходимости переносить недели отступления также было важным фактором. Не подлежит сомнению и тот факт, что в период весенней кампании 1813 года русская армия была очень усталой. Но после того как войскам было позволено отдохнуть летом 1813-го, а во время перемирия подошло значительное подкрепление из хорошо подготовленных солдат, армия оказалась на пике формы ко времени осенней кампании. Трудно представить себе войска, которые сражались бы лучше, чем гвардия Кульма, пехота Евгения Вюртембергского при Лейпциге в 1813 году или солдаты Воронцова при Краоне в 1814-м.

В этом контексте важно помнить, что армия императора не была русской нацией, поднявшейся в ружьё. Её офицеры-дворяне и солдаты-ветераны долгосрочной службы руководствовались иными ценностями и имели иные категории лояльности, нежели современная призывная армия. Для неграмотных солдат, вырванных из своих деревень и обречённых на пожизненную службу в армии, преданность своему полку была критически важна для сохранения морали и целеустремлённости. Для большей уверенности полковая преданность объединялась и в более широком контексте лояльности. В отличие от британской армии, не говоря уже о французской, в каждом русском полку были священники, игравшие важную роль и в повседневной жизни, и на поле боя. Таким образом, «полковой дом» был частью великого православного Отечества, гарантом которого выступал царь. И это православное Отечество перемещалось вместе с полком, будучи эффективным источником мотивации вне зависимости от того, сражалась армия дома или за границей.

А если так, то сам собою возникает вопрос: почему множество работ, написанных о 1812–1814 годах, содержат искажение реальности? Тому есть ряд причин. К примеру, в случае с западными историками справедливо будет отметить, что до 1991 года у них не было возможности работать в русских военных или дипломатических архивах. Однако более важным представляется влияние националистических мифологий и предубеждений. Война — величайшая колыбель патриотических мифов. Наполеоновские войны пришлись на те времена, когда зарождались ключевые идеи, сформировавшие основы современного европейского национализма. Вскоре после Наполеоновской эры стало возни-

коть образованное городское общество, в котором националистические доктрины легко пускали корни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что властные режимы и националистические мифотворцы обращались именно к эпохе Наполеоновских войн. Иногда говорят, что современная испанская нация возникла из мифологии о восстании против наполеоновского правления. Прусская школа немецкой националистической историографии почерпнула большую часть своей привлекательности из своей интерпретации войны Шестой коалиции 1813 года. Неудивительно, что она была нацелена на то, чтобы поставить Пруссию в центр создаваемой картины. Тем временем британская националистическая мифология экспроприировала Ватерлоо для своих собственных нужд, с удобством для себя минимизировав критически важный вклад прусской стороны в победу. В данном контексте вовсе не удивительно, что западная историография во многом рассматривает кампанию 1812 года глазами Франции или же минимизирует роль России в 1813–1814 годах.

Гораздо более интересным представляется вопрос: почему российская национальная мифология также в значительной степени забывает 1813–1814 годы, таким образом, сильно недооценивая достижения России? На первый взгляд, ответ прост. Самым доблестным моментом для любой нации является защита родной земли своими силами, в одиночку, когда нет нужды делить славу с союзниками или беспокоиться о за-

путанных вопросах международной политики. Британцы очень гордятся 1940 годом именно по этой причине. Но даже в этом случае они не забывают высадку в Нормандии в 1944-м или окончательную победу в 1945-м. В том же ключе русские, отчётливо помня о Сталинграде, не забывают и 1944-й, и 1945-й, и День Победы, ознаменованный взятием Берлина. Так что остаётся загадкой, почему последующие поколения помнят о Бородине, но забывают о Лейпциге или вступлении в Париж.

Опять-таки, тому существует несколько причин. К примеру, столетие победы над Наполеоном вдохновило целый ряд публикаций в России, но канун Первой мировой войны был не самым подходящим временем для празднования российско-германского сотрудничества в победе над Францией и напоминаний о её претензиях на европейское господство. Влияние «Войны и мира» Льва Толстого тоже было важным фактором во многом из-за того, что великий писатель закончил свою книгу пребыванием русской армии в Вильне в декабре 1812-го, полностью игнорируя кампании в Германии и Франции в 1813–1814 годах. В значительной степени это отразило отсутствие у Толстого интереса к международным отношениям и его пристальное внимание к русскому национальному сознанию и внутренним вопросам. Для него ключевым итогом Наполеоновских войн стал не созданный ими новый европейский порядок, а эволюция русского менталитета, которая привела к восстанию декабристов.

Тень декабристов фактически лежит на всей последующей российской интерпретации победы над Наполеоном. Одной из ключевых причин победы России над Наполеоном стало выдвижение множества очень молодых и очень способных людей на руководящие посты. Многие из них впоследствии играли ключевые роли в правительстве Николая I, в том числе и в подавлении движения декабристов, тем самым призывая на свои головы проклятия русских либералов и радикалов. Как отмечалось выше, Чернышёв и Бенкендорф были, возможно, самыми успешными российскими командирами партизанской войны в 1812–1814 годах, но описывать их в таком ключе — анафема в свете либеральной и радикальной традиции российской историографии и политики.

Возможно, ещё важнее был тот факт, что противостоявшая Наполеону Россия была династической, аристократической и многоэтнической империей. Несмотря на это, для России доминантны этнонациональные мифы о войнах. В этом плане они ничем не отличаются от таких же мифов у испанцев, британцев, немцев или французов. Но Франция, Испания, Германия и Британия были государствами-нациями или шли по пути к их становлению. Российская империя не была и не имела надежды на то, чтобы стать этнической нацией. Таким образом, этнонациональные мифы, которые в некоторой степени «подгонялись» под западноевропейский контекст, имели в случае с Россией гораздо меньший успех. На самом деле Россия здесь не является в полной мере уникальным случаем. Для француза, англичанина или немца непредставима ситуация, при которой национальная идеология может на самом деле принизить достижения страны. Но если рассмотреть современные турецкие или китайские интерпретации фрагментов истории Османской империи или династии Цин, схожие с Россией сюжеты станут гораздо очевиднее.

В попытке вырваться за пределы мифов и рассмотреть в соответствии с собственными представлениями причины победы России над Наполеоном я подошёл к проблеме на нескольких уровнях, крайние позиции которых можно было бы назвать «взгляд Бога» и «взгляд червя».

Глаз Бога всматривается в глубокие, лежащие в самой основе структурные факторы, определяющие события эпохи. Такие «детали», как отдельные люди, их цели или страдания, при этом исчезают. Если, к примеру, в долговременной перспективе искать факторы, приведшие Британию к победе над Францией, тогда тот факт, что даже в 1780-е годы более половины британской торговли проходило за пределами Европы,

А. Ю. Аверьянов. Подвиг ателлеристов. 1991 г.

в некоторой степени объясняет, почему попытка Наполеона задушить Британию при помощи континентальной блокады вряд ли суждено было завершиться успехом.

Тем не менее превыше всего глаз Бога интересуется реалиями, лежащими в основе европейской геополитики, которая фундаментально отличалась от геополитики западного полушария или Азии, играя ключевую роль в определении судьбы Европы и России в ту эпоху. Наполеоновские войны очень часто, особенно в англоязычной литературе, трактуются как борьба между империалистическим деспотизмом Наполеона и свободолюбивыми врагами Франции во главе с Британией. В реальности не только наполеоновская Франция, но и её основные враги — Британская и Российская империи — были империями-хищниками. Пруссия была маленьким хищником, для неё больше всего подойдут слова, которыми Бисмарк позже описывал Италию: большой аппетит, но плохие зубы. В то же самое время, когда Франция старалась создать империю в Европе, Британия успешно создавала свою империю в Индии. Большинство объяснений, которыми пользуются историки для понимания наполеоновского империализма, подходят и для британской экспансии в Индию: сюда входит дорогая и разросшаяся армия, окупающая себя и оправдывающая своё существование только покорением других государств и доходом от их налогов. В данном контексте стоит отметить, что к концу Наполеоновских войн доходы от Британской Индии превышали доходы России, Австрии или Пруссии. Ключевым моментом здесь выступает тот факт, что для европейской державы было гораздо проще создать империю за пределами Европы, нежели на Европейском континенте. Заперев французский империализм в Европе, британская морская мощь сделала большой шаг, обрекая Наполеона на поражение.

Претендент на роль императора Европы пытался повернуть вспять столетия истории. В Индии британцы были прямыми наследниками моголов. Настоящего императора Европы не было со времён Карла Великого — уже тысячу лет. Для того, чтобы стать новым Карлом Великим, покорителю Европы нужно было одолеть коалицию враждебных европейских держав, военно-финансовые машины которых были отлажены поколениями соперничества великих держав. Сложным, но не невозможным представлялось победить эти державы и воссоздать империю на территориях, которыми некогда правил Карл Великий, иными словами — во Франции, большей части Германии, Нидерландах и на севере Италии. Тем не менее к этому моменту претендент на роль императора столкнулся с фундаментальным геополитическим вызовом,

лежавшим в основе европейских международных отношений с 1763 по 1945 год. Это были два великих периферийных силовых центра — за Ла-Маншем в Британии, с одной стороны, и польско-русские равнины и территории к югу и востоку от Москвы — с другой. Мобилизовать достаточное количество ресурсов из каролингского ядра Европы, чтобы уничтожить два периферийных силовых центра, было предельно сложно. Ситуация осложнялась ещё и тем, что в случае столкновения с претендентом на титул императора Европы, русские и британцы обязательно объединятся, поэтому придётся сражаться с двумя периферийными центрами одновременно. Более того, понадобилось мобилизовать разные типы мощи для того, чтобы соответствовать брошенным вызовам: морские силы — чтобы преодолеть Ла-Манш, и военно-логистические силы — для вторжения в Российскую империю и контроля над её «сердцем». С этим вызовом не справился не только Наполеон, но и Германия в двадцатом веке.

Учитывая схожее геополитическое положение, нет ничего удивительного в сходстве между британской и российской генеральными стратегиями и в спорах, имевших место в обеих странах по этому поводу. В Англии XVIII века этот спор иногда описывали как противостояние между партиями «двора» и «страны», иными словами — между сторонниками «национальной» стратегии и теми, кто выступал за подчинение английских интересов интересам ганноверской династии с её озабоченностью судьбой германского центра Европейского континента. «Национальная» стратегия, напротив, стремилась к доминированию Британии на морях и в международной торговле и к созданию Величайшей Британии за морями путём колонизации.

Российским эквивалентом этой «национальной» стратегии была экспансия на юг, через степи в сторону Чёрного моря, объединение с Большой Россией, представленной славянскими и православными народами Балкан, и, возможно, воссоздание нововизантийской или всеславянской империи под патронатом России. По иронии истории величайшая героиня «национальной» стратегии — Екатерина II — была немкой. Но главное состояло в том, что её главная опора — Румянцев, Потёмкин и Суворов — были русскими, в отличие от большинства ведущих генералов армии Александра.

В 1807–1813 годах главным сторонником «национальной» стратегии был граф Николай Румянцев, министр иностранных дел. Этот невероятно интересный и умный человек, своего рода предтеча панславизма, имел опыт работы в качестве министра коммерции и главы департамента водных коммуникаций. Он ощущал современные

коммерческие и технологические веяния, значительно опережая в этом большинство дипломатов. Румянцев видел судьбу России на Балканах и Чёрном море как лидера славянского и православного миров и не рассматривал Францию как истинного врага России. Он считал наполеоновскую империю исключительно временным феноменом, основанным на гении одного человека и не имеющим институциональных или идеологических корней, способных пережить своего основателя. Для Румянцева врагом России в долговременной перспективе была Британия, прежде всего из-за своей доминирующей позиции в мировой торговле и технологиях. Поэтому Румянцев охотно приветствовал возможность союза с Наполеоном против потенциальной сверхдержавы в лице Британии. Личные амбиции Наполеона и потребности его собственной борьбы с Британской империей разрушили стратегию Румянцева, но его идеи, до некоторой степени разделённые Михаилом Кутузовым, остаются захватывающим озарением «взгляда Бога» при рассмотрении реалий Наполеоновской эпохи.

Взгляд червя радикально отличается от взгляда Бога. Здесь всё детально — личные надежды, человеческие страдания и игра случая. Кругозор червя включает, к примеру, поминутное описание военных операций. Из всех аспектов военной истории этот наименее легитимен в глазах западных академических историков, но устранять его из общей картины — значит не только лишать её драматизма, но и значительно искажать правду. Война по своей природе — пространство шанса, случайности и хронологии. На поле боя возможность, которой не воспользовались в два часа дня, навсегда исчезнет в три. Если для большинства войн это просто реальность, то для рассмотрения наполеоновского блицкрига подобный подход обретает особую актуальность. Весь смысл военных действий эпохи Наполеона заключался в том, что однодневная битва — хотя бы на время — могла подорвать «реалии», которые, казалось бы, устоялись за столетие истории.

Итак, приверженность исторической правде требует пристального внимания к военным операциям. Для примера возьмём события битвы при Бауцене 20–21 мая 1813 года. Наполеон имел двукратное превосходство над российско-пруссскими союзниками. Он разработал простой, но разрушительный план: сдерживать их с запада, выдворить их с севера вдоль линий их коммуникации и отступить. В случае успеха этот ход разбил бы силы союзников, заставив беспорядочно двинуться вдоль нейтральной австрийской границы, и восстановил бы наполеоновское превосходство в Европе. До нового Аустерлица Бонапарту было рукой подать, и по-

беда наверняка пришла бы, если командующий решающим манёвром маршал Ней не потерял бы голову в пылу сражения и воспользовался бы уникальной возможностью, которая была уже у него в руках. Червь восторгается такими примерами человеческой оплошности, которые слишком часто происходят в хаосе сражения, подчас приводя к грандиозным последствиям.

Между уровнем Бога и уровнем червя существует ещё множество различных слоёв трактовки; их слишком много для того, чтобы уделить им всем внимание в столь короткой работе. Безусловно важна биография. История любой организации не имеет смысла без рассмотрения личности и *modus operandi* её главного исполнителя, в данном случае — Александра I. Понимание российского правительства и армии невозможно без знания ценностных представлений российской элиты этого времени и принципов работы системы «покровитель-проситель», которую они создали. Историк, стремящийся понять, как Россия смогла мобилизовать ресурсы для победы над Наполеоном, должен исследовать реалии российского провинциального общества, взаимоотношения этого общества с царской администрацией, сильные и слабые стороны российской экономики. Разумеется, подготовка, тактика, вооружение, мораль и командная структура армии также имеют фундаментальную важность. Все эти слои трактовки, как и многие другие, нужно совместить воедино для того, чтобы получить полную картину того, как Россия смогла нанести поражение Наполеону.

Из всех этих факторов я хочу кратко остановиться на двух. Первый — это лошади. Если ветер был ключом к военным действиям на воде в ту эпоху, то на суше этим жизненно важным элементом служила лошадь. Она была эквивалентом современного танка, самолёта, грузовика и мобильной артиллерии, иными словами — оружием шокового воздействия, преследования, разведки, транспортным средством и мобильной огневой единицей. Гораздо более важной потерей для Наполеона в 1812 году, чем люди, были именно лошади. Людей можно было заменить гораздо проще. В любом случае на подготовку кавалерийского полка уходило в среднем в три раза больше времени, чем на пехотный полк. Россия получила преимущество, поскольку в Европе имела хороший запас лошадей. Но причина её победы не только в большом количестве лошадей у России и их нехватке у Наполеона в 1813–1814 годах. В России эксплуатация конных ресурсов государством и армией велась значительно эффективнее. Создание систематизированной инфраструктуры, спо-

собной обеспечить лошадьми и припасами, подготовить и направить на театр военных действий тысячи резервных кавалеристов, было колоссальным достижением, в некоторой степени эквивалентным успехам советской танковой промышленности во Вторую мировую войну. Один из величайших, но никем не воспетых героев победы России над Наполеоном — генерал от кавалерии Андрей Кологривов, командующий кавалерийскими резервами в 1812–1814 годах.

Вторая область, на которой стоит остановиться, — разведка. Глубина, на которую русской разведке до июня 1812 года удалось проникнуть в самое нутро наполеоновской военной системы и раскрыть её строжайшие секреты, была просто поразительной. Все историки в долгу перед Виктором Безотосным в деле исследования этого аспекта противостояния России и Наполеона. Ключевыми героями этого предприятия были два главных представителя России в Париже в годы, предшествовавшие вторжению, — Александр Чернышёв и Карл фон Нессельроде, оба, по некоей случайности, ещё очень молодые люди. Взаимодействуя, они перехватывали корреспонденцию даже между Наполеоном и его министром иностранных дел, знали через шпионов в военном министерстве все детали состояния и передвижения французских соединений и частей, вплоть до уровня полков, и разоблачили значительную часть французской кампании по шпионажу на западных рубежах России. И это лишь малая часть их усилий и достижений. Они не только снабжали

Александра и Барклая де Толли жизненно важной информацией, но провели исключительно вдумчивый анализ сильных и слабых сторон военной и политической машины Наполеона. Результаты их работы, поступавшие напрямую к императору и его военному министру, в значительной степени заложили основу планирования российской стороной своих действий и последующей генеральной стратегии в войне с Наполеоном.

Логично будет закончить эту короткую выдержку из «Победы России над Наполеоном» обращением к теме разведки, поскольку само слово «intelligence» в более широком смысле слова — ключевая причина того, что Россия вышла победительницей в войне 1812–1814 годов. Россия победила не из-за снега или превосходства в ресурсах. Она прежде всего победила благодаря своим лидерам — я имею в виду в первую очередь Александра I, — разработавшим разумную генеральную стратегию, которая отталкивалась от сильных сторон России и использовала слабые стороны Наполеона. Ключом к этой стратегии было гораздо более разумное, чем у Наполеона, представление о пределах эффективности военной мощи и понимание связи между войной и дипломатией. Продумав гибкую и реалистичную стратегию, русские затем привели её в действие с выдающейся отвагой, последовательностью и целеустремлённостью — вопреки хаосу войны и неопределённости коалиционной дипломатии. Они заслужили право одержать победу над Наполеоном.

Перевод Петра Баратова

А. Ю. Аверьянов. С пакетом. 1999 г.